

Однако сейчас, что было немного неожиданно, она была в сознании. И не только это, ее тело абсолютно точно принадлежало сестре! Кто мог объяснить, что с ней случилось?!

- Малышка, даже не думай о том, чтобы сбежать, у бэнь гунцзы есть куча серебра для тебя! Так, вы, поторапливайтесь и кончайте уже с этим парнем! Очень разочаровывает! – гунцзы-ге в шелковых трусах внезапно схватил Яо Мовань за руку, широкая непристойная улыбка расчертила его извращенское лицо.

- Третья госпожа! Ударьте его! Используйте зеркальце! Бегите... - наемники же, получив приказ от гунцзы, принялись его избивать еще ожесточеннее. Кровь лилась со лба Лю Сина.

В тот момент Яо Мосинь не могла не принять эту реальность. Она вернулась к жизни, даже возродилась в другом теле! Ощущая пульсирующую боль на лбу, Яо Мосинь без сомнений пришла к выводу, что ее собственная сестра, должно быть, ударилась об угол кровати и отдала свою жизнь девяти источникам. [1]

[1] «Девять источников» (九九) - название китайского потустороннего мира.

Отлично! Раз небеса дали ей шанс на перерождение, она будет дорожить им. Теперь она – Яо Мовань. Единственная во всем мире, кто лучше всего понимает натуру жестокой собаки Е Хон И и сердце ядовитой скорпионики по имени Яо Сулуань. Яо Мовань, в котором затаилась злость Яо Мосинь и Чжун-эра, столь же глубокая, сколь кровавые моря. Она – Яо Мовань, поклявшаяся разорвать тела Е Хон И и Яо Сулуань на десять тысяч кусочков!

- Хватит! – вместе со звуком «Бам!» громко раздался суровый голос Яо Мовань. Ледяной голос, подобный зиме, заставил гунцзы-ге в белых шелковых трусах задрожать и ослабить хватку.

- Третья госпожа... бегите... - зрение Лю Сина было затуманено, все его лицо было в крови, но он все еще беспокоился лишь за безопасность Яо Мовань.

- Тц... с чего это ты такой трудной стала, ну, так даже интереснее, бэнь гунцзы не прочь острых перчиков! – гунцзы-ге в шелковых трусах лишь на миг испугался, а затем вновь начал приближаться к ней с пошлой улыбочкой, однако, увидев выражение лица Яо Мовань, от которого кровь стыла в жилах, он замер.

- Я – кровная младшая сестра нынешней императрицы, уважаемая третья дочь первого министра имперского двора! Вы, ребята, должно быть, отведали желчного пузыря смелого леопарда, раз посмели пренебрежительно думать обо мне! – мягкий и в то же время ледяной голос будто принадлежал Асуре из ада. Вишневые губы Яо Мовань были поджаты, когда она медленно давила на гунцзы-ге в шелковых трусах.

- Ты...

- Только не говорите, что вы не были в курсе? На табличке на талии, которую Лю Син обронил на пол, был большой иероглиф «Яо», не может такого быть, что вы все слепы? Он с каждым криком звал меня третьей госпожой, не может же такого быть, что вы еще и глухи? Весь имперский город знает, что если это не чиновники императорского двора, то у какой еще семьи слуга носит на талии табличку?! Не может же такого быть, что вы даже таких простых вещей не знаете? – каждое слово Яо Мовань было подобно грому, ее ледяной взгляд впился в гунцзы-ге в шелковых трусах.

- Я...

- И не пытайтесь замаять произошедшее убийством свидетелей! Эта комната большая и открытая, как думаете, сколько людей прошли мимо и увидели внешность бэнь сяоцзе [2]? И как Вы только смеете утверждать, что Лю Син пришел сюда, не уведомив слуг другой семьи? Слушайте сюда, выложите Лю Сина, иначе Вы и весь Ваш сброд, вместе с Вашей семейкой можете ждать своего совместного погребения! А сейчас с дороги! - прекрасные глаза Яо Мовань были жестки и холодны. Взгляд в этих глазах точно содержал в себе давление бога смерти, гунцзы-ге в шелковых трусах не посмел подать хоть малейший признак неповиновения.

[2] 自己 и снова, «бэнь» это обращение к себе, когда человек говорит о себе, «сяоцзе» чаще переводят как «госпожа», в принципе эти два слова взаимозаменяемы. Обычно «бэнь сяоцзе» используют, когда тон голоса становится властным.

В следующую секунду Яо Мовань бешено выскочила из двора Благоухающей Радости, в ее ушах эхом отдавались слова Яо Сулуань, сказанные в Холодном Дворце: «Моя мать уже, согласно плану, отошла твоей жалкой матушке дозу сильного яда. Что же касается твоей слабоумной сестрички, то, полагаю, она уже осквернена теми дае за деньги в бордели...»

«Матушка! Тебе нужно продержаться еще немного и дожидаться меня! Дождись меня!»

Яосян-фу находился на северо-западе столицы. Два белых мраморных льва гордо вздымались ввысь на высоких выступах в окружении глазурованной черепицы и алых стропил. Подобное зрелище говорило о престиже семьи и внушало благоговейный трепет. Сейчас Яо Мовань, задыхаясь, ворвалась прямо в двери фу.

- Третья госпожа, неужто Вас преследует собака, что Вы так быстро бежали? - в дверной проеме возник Яо Ту, служивший в качестве управляющего фу Яо уже около двадцати лет. Он одарил Яо Мовань подозрительным взглядом.

Хоть тон его и лишен был вежливости, в нем было тепло. Яо Мовань, похоже, не слышала комментария Яо Ту, на мгновение задержав дыхание у дверей фу, после чего бешено бросилась к своей матери, в павильон Весеннего Пейзажа Мо Ли.

Смотря, как Яо Мовань бегом направляется в фу, словно вот-вот загубит свою жизнь, Яо Ту неосознанно вышел за двери фу, чтобы осмотреться, но ничего необычного не увидел. Он ничего не мог поделать, лишь опустить голову и мягко вздохнуть. Исходя из внешности третьей госпожи, если не проблема с ее интеллектом, она бы уже получила титул супруги, подобно старшей и второй сестрам, и уже была бы избалована.

Она пересекла двор, минуя извилистую веранду. Когда Яо Мовань проходила через арочные двери Павильона Весеннего Пейзажа со скоростью бури, она внезапно услышала пронзительный крик, доносящийся оттуда.

- Лаоэ [3], Вы сошли с ума! Что плохого сделала эта це, чтобы Вы ее так наказываете? - на элегантно каменном полу цвета нефрита по-прежнему привлекательная и прекрасная женщина прикрывала свою опухшую щеку, ее тонкие алые фениксовые глаза неверяще смотрели на стоящего перед ней мужчину среднего возраста.

[3] 老 «лаоэ» - хозяин дома, также жены иногда обращаются так к своим мужьям.

На мужчине были вышитые темно-фиолетовые одежды с широкими рукавами, фигура довольно пропорциональна, утонченный вид. Лицо торжественное с ученым видом, а безмятежно далекие глаза были полны спокойствия и сдержанности, между ними залегли строгие складки, не тая таких его черт, как тщательное планирование и дальновидность. Несомненно этот человек являлся первым министром великого Чу, Яо Чжэньтин. И та, кого он ударил, сбив ее золотую шпильку, была его законная жена, биологическая мать Яо Сулуань, Доу Сянлань.

В этот момент Яо Чжэньтин был в ярости до такой степени, что изрыгал из себя гром. Оба его глаза сверкнули, уставившись на Доу Сянлань, когда он яростно указал на уже задыхающуюся Мо Ли, лежащую на ложе, и тихо зарычал.

- Злобная женщина! То, как ты издеваешься каждый день над Мо Ли, даже добавляешь медленный яд в ее еду и напитки, из-за чего у нее слабое здоровье, лаофу вытерпеть еще в состоянии! Но ты на самом деле отравила ее до смерти! Как законная жена, ты мелочная, порочная и ограниченная! Лаофу [4] больше не может выносить тебя! - с холодной издевкой произнес Яо Чжэньтин, в его ледяных глазах не было ни намека на тепло.

[4] □□ «лаофу» переводится, как «старый муж», обращение мужей к самим себе.

<http://tl.rulate.ru/book/23253/480631>